

Боєць "Ікс": Там багато полів, випалених, як після Хіросіми ... І такий трупний запах

Оксана Коваленко, УП _ П'ятниця, 03 жовтня 2014, 12:00

Пока комиссия Верховной Рады пытается выяснить, кто виноват в Иловайском котле, пока разные организации разыскивают и пытаются опознать тела погибших в той трагедии, "Украинская правда" пообщалась с бойцом, который был среди счастливых, выживших в этом аду.

Боец с позывным "Икс" из батальона "Миротворец" рассказал свою историю выживания, которую публикуем полностью так, как он ее повествовал.

... "Наш батальон "Миротворец" подчиняется МВД. Наша задача - зачищать освобожденные армией города, налаживать порядок. Но как только мы доходили со своими "зачистками" до высокого начальства – в Славянске, Дзержинске – нас почему-то сразу перебрасывали в другой

город.

Вся эта ситуация с отправкой в Иловайск такого количества элитных добровольческих батальонов - "Донбасс", "Днепр", наш "Миротворец", честно говоря, наводит на грустные мысли.

Почему? Потому что всегда заходили сначала военные, а потом мы - либо вместе, либо поодиночке - и делали свою работу. А в Иловайске вместо военных отправили нас в неосвобожденный город.

ДЕПО – последний рубеж

Сначала нас перебросили под Старобешеву, поселили в каком-то пионерлагере со словами, что пока базироваться будем там, а на следующее утро нас отправляют "на один день" в Иловайск. Раз на один день, мы не берем с собой ни запасов еды, ни боекомплектов – только то, что на себе, садимся в транспорт и едем.

Под Иловайском стояли военные – 51-я бригада, но город взять они не могли, потому что другие подразделения армии отошли. На момент нашего приезда там уже несколько дней стояли батальоны "Донбасс" и "Херсон".

23 августа в расположении 51-й бригады мы получили окончательные вводные, проводника, и отправились в путь. Конечная точка – рубеж в вагонном депо в Иловайске – самая передовая.

Иловайск разделен железной дорогой на две части. С той стороны боевики, а эта якобы наша. В депо стояла часть батальона "Херсон", человек 20. По их словам, с той стоны "железки" постоянно лезли сепаратисты и чеченцы.

Пока лезли с автоматами в атаку, получали достойный отпор. За 5 дней удержания рубежа, бои шли по 20 часов в день.

Вид из депо в один из дней боев. Фото с Facebook комбата "Миротворца" Андрея Тетерука

Со второго дня по нашему депо начали лупить минометами. Мы отвечали. На вторую ночь нас накрыли "Градом". Мы спали в тепловозе и ту часть, где мы были, осколки не зацепили. А вот другая сторона вся покрошена была – паровоз весь в дырках. Но, мы держали оборону...

На третий день мы поняли, что в окружении и помощи не будет. Мы начали бить в колокола, чтоб нам прислали технику. У нас из вооружения были лишь автоматы, пистолеты и пара гранатометов. Техники никакой. У нас даже для транспортировки личного состава техники не было, дали ПАЗик и УАЗ Hunter на целый батальон. Ездили мы на тех машинах, которые удавалось у сепаратистов конфисковать.

Тогда же мы поняли, что нам нужны боеприпасы. На бронированной машине поехали в расположение "Донбасса" за боеприпасами. Попали под обстрел, пуля в радиатор вошла, колесо пробил, но мы доехали. Нам дали патронов, гранат, ВОГов – гранатометы такие, дали какой-то еды – сухпайков.

Мы постоянно просили помощь, поддержку, артиллерию. Пару раз наша артиллерия с нашей помощью стреляла, даже пару раз удачно.

На четвертый день нас били "Градом" три раза.

К концу пятого дня мы по свисту понимали – есть ли у нас полторы секунды, чтобы спрятаться под вагон, или удар ляжет в 500 метрах и можно не суетиться.

В общем, все было нормально, пока они стреляли 80-ками из минометов. А потом они притащили 120-ку. От их попадания с крыши валят огромные куски бетона, а в потолке появляются дырки в небо.

Дыра в крыше депо после атаки боевиков. Фото с Facebook комбата "Миротворца" Андрея Тетерука

А самое главное, что у нас там порядка пяти заправленных тепловозов стояло, в каждом как минимум по 500 литров солярки. Мы понимали, что если они, не дай Бог, полыхнут, шансов выжить не будет.

Несмотря на все это, оборону мы держали хорошо. Когда наши вернулись из плена, один рассказывал, что чеченец его допрашивал, интересовался, кто стоял в Иловайске: "У нас такие большие потери были только в донецком аэропорту и здесь"...

РАССТРЕЛЬНЫЙ КОРИДОР

В конце четвертого дня мы понимали, что поддержки не будет. На следующее утро комбат сказал готовить транспорт к отходу. По его словам, якобы была договоренность о предоставлении нам коридора, чтобы вывести наши батальоны и 51-ю бригаду, которая тоже с нами стояла, в обмен на пленных российских десантников, которых было человек 15 и еще около 30 пленных местных "ДНРовцев".

Сказали, что никто нас трогать не будет при отходе. По договоренностям мы должны были пройти весь путь до территории, которая уже под нашим контролем. На точке выхода мы должны были отдать пленных. Это сказали представители российских войск, с которыми велись переговоры.

С нашей стороны переговоры вел один из наших армейцев. Его потом в заложники взяли.

На следующее утро в 5 утра выезжаем. Должны были соединиться с "Донбассом" на их базе, а дальше общей колонной идти к 51-й на точку выхода, и вместе с армейцами выходить за пределы вражеской территории.

До "Донбасса" доехали без приключений, потом и до армейцев добрались. Никаких обстрелов не было вообще. Все время шел радиообмен. Наш генерал сказал: "Мы свои обязательства выполнили, у нас все согласовано, мы стоим на позиции, мы выдвигаемся".

Наш переговорщик говорит: "Они просят 15 минут". Видно, с Москвой согласовать. Наш генерал ответил ему, что нет 15 минут. Было решено прорываться с боем. Колонна разбилась на две части, чтобы не получилась длинная "колбаса" на много километров. И двумя параллельными маршрутами начинаем выезжать.

Километров 7-10 ехали мы по полям-огородам, в принципе, без приключений. Выезжаем на поле, видим с той стороны вторую часть нашей колонны. И по ней начинает работать артиллерия. Стреляют кассетными снарядами, они в воздухе взрываются, сверху осколками накрывает.

Мы сразу не поняли, что происходит. Один из наших автобусов тоже останавливается, начинает отстреливаться. Мы проезжаем дальше, за БМП прячемся, выскакиваем на поле и видим – там полностью развернуты русские войска, минометная батарея, артиллерия, все окопано, все надежно стоит уже не первый день. Причем явно ждут нас. В 100 метрах от дороги, через каждые 10 метров окопчики, в каждом лежит стрелок, за ним АГС, гранатометчик.

Там точно стояла минометная батарея, артиллерийские расчеты, тяжелое вооружение, гаубицы. Это точно были русские, потому что у ДНРовцев нет такого количества новой техники и вооружения.

И вот все это начинает расстреливать нашу колонну – как в тире. Мы едем, только слышим: трескотня и только по машине так цок-цок-цок. Короче, машина поймала порядка 200 пуль.

Допис by Андрей Тетерук.

Потом они взяли против нас АГС и начали лупить. Мы поймали ВОГов (осколочная граната для гранатометов - УП) этих штук 20. А вот РПГ уже нам вскрыло машину: попало в задний угол – задняя дверь, крыша, задняя стойка – все разнесло как консервную банку. Я сидел справа сзади, и мне по голове хорошенько дало, осколками голову посекло.

Колесо заднее уже было пробито – машина не ехала. Мы дотянули до села Новокатериновка. Там выбежали из машины на дорогу. Рядом с нами остановились два Volkswagen transporter – бывшие инкассаторские машины – одна Юрия Березы, командира "Днепра", вторая генерала Хомчака. Говорят: "Залазьте в багажное отделение".

Саня Птица прыгает мой, я прыгаю, комбат прыгает. Я говорю: "Леха, Леха!", это еще один из моей группы, а Леха где-то "завтыкал". Что произошло, почему он не успел залезть, я не понимаю. Водитель выскочил, дверь захлопнул. Мы стучимся: "Мы бойца потеряли". Но он не реагирует – потому что обстрел идет, мы срываемся и едем.

ПОБЕГ

Дальше водитель Гриша рассказывал ситуацию – если бы я это увидел где-то в американском боевике, я бы подумал, что такого не бывает. Оказалось, что он в заднее зеркало увидел, как на дорогу вытащили ПТУРС (противотанковая управляемая ракета), собирались в нас стрелять.

"Поднимаю взгляд на лобовое стекло, в зеркало, а там стоит чудо с гранатометом тоже на нас, – рассказывал Гриша – Спереди и сзади. Первая мысль была сбить его, потом понимаю, что все равно он успеет нажать. И дальше время как замедляется. Идет выстрел из РПГ, вижу, идет реактивная струя. Я в поле, в подсолнухи, сворачиваю. Думал, что это серьезное препятствие, но нет, пішов як по траві". РПГ вдоль дороги пролетает. Из ПТУРС тоже идет выстрел, за машиной следом. Гриша обратно на дорогу, и ПТУРС, который сам за целью идет, на тепло реагирует, ушел в поле. Как такое может быть?"

Едем дальше, по нам все равно стреляют, мы сворачиваем в поле, вдоль посадки. Завезли туда эти два буса, вышли группой 14 человек: комбат "Днепра", комбат наш, "Миротворца", его два человека, наших было пару человек, несколько армейских полковников, разведка и артиллеристы, и командующий южной группировкой войск генерал Хомчак с двумя спецназовцами.

Если бы нас "приняли", был бы такой джек-пот! У одного из водителей была пулей рука перебита, открытый перелом. Наложили ему жгут. Отползаем метров сто по посадке, подальше от этих машин, понимая, что будут искать.

Еще немножко отползли, залегли. Потом слышим спереди голоса и короткие автоматные очереди по посадке, и движется на нас. Тупо прорабатывают посадку, чтобы, если мы там где-то прячемся, нас положить. Два раза из подствольника гепнули, выстрелы все ближе, ближе. Мы лежим, в землю вжались, уже стали плоские-плоские, и уже наш комбат рядом лежит, мы друг на друга посмотрели: "Ну все, пока".

Но метрах 20-ти от нас они прекратили стрелять, развернулись и ушли. Мы даже не поняли, почему. Это нас спасло. Лежим, слышим, бой идет, несколько часов бой шел.

А после того, как бой утих были слышны только одиночные выстрелы. Похоже, ДНРовцы ходили и добивали раненых. Только услышат где-то "Помогите, помогите!", сразу выстрел и все.

Мы до темноты прождали, потом полями, подсолнухами, кукурузой, потихоньку, потихоньку, дальше и дальше, мимо их костров, лагерей уходили.

Мы всю ночь шли. Растяжки, слава Богу, все обнаружили, переступали нормально. Шли до 4:30 утра. Когда начало светать, решили где-то прятаться. Увидели выгоревшую после "Смерча" посадку. Там раньше лагерь какой-то нашей части стоял – была куча окопов, блиндажи. Это мы уже без воды, без еды двое суток.

Спрятались там, залегли, а ночью холод дичайший. Только часам к 9 прекратил бить озноб, а согрелись, наверное, только часам к 12. Чтобы воду собрать наш боец по всему лагерю пошел, находил пустые бутылки из-под воды – там чуть-чуть оставалось в каждой. Он это все сливал, сливал, и часа за два набрали полторалитровую бутылку воды. Там же нашли один сухпак – разделили на 14 человек. К нам собака прибилудилась, мы и ее угостили.

Она, бедная, с нами весь день сидела в той посадке. Немецкая овчарка. След от ошейника был, но самого его не было. Она за все время не проронила ни звука. Один раз уже, ночью, когда мы начали выходить из посадки, я случайно в темноте на нее наступил, она заскулила, но не гавкнула ни разу. А там возле той посадки у боевиков база была – БМП ездят, люди ходят, голоса. Мы лежим, думаем: "Чтоб ты только не гавкнула".

Дождались темноты. Собрались выходить – над нами беспилотник летает. Пришлось 30-40 минут ждать, пока он куда-то улетит. Потом пошли. Всю дорогу собака с нами шла, но потом где-то отстала. Мы до реки дошли, ее форсировать пришлось. Скажу честно, жалко, что эта собака отстала, потому что я бы ее с собой забрал. Если бы до реки дошла, я бы ее на руках перенес.

После реки шли по местности, где очень много полей, выжженных "Смерчем", как после Хиросимы – все черное, выгоревшее, километр на километр. И такой трупный запах...

Ты понимаешь, что ты идешь по этому перемолотому паштету из людей, земли и всего этого. Мы шли в сторону Комсомольска. Там уже ночью первый раз вышли на связь, потому что мы ходили в режиме полного радиомолчания, чтобы не запеленговали. По связи нас отправили на Подгорное: "Там вас встретят", – говорят.

Пошли третьи сутки. Мы решили срезать дорогу через лес. Прошли метров 20 вглубь, кто-то из наших впереди сорвал растяжку, сигнальная мина – бах, бах, вверх пошли эти ракеты. Мы в ужасе, понимаем, что сейчас со всех стволов сюда лупанут или БМП вышлют.

Мы оттуда ходу. Выбегаем из леса, а у Сани Птицы что-то за ногу зацепилось. Смотрим, проволока намотана – а с другой ее стороны граната Ф-1 висит. Боевики плохо закрепили растяжку, Птица сорвал со стороны колышка, а не кольцо выдернул. А Ф-ка – это страшная штука, 200 метров разлет осколков, то есть, получили бы все, кто сразу насмерть, а кто на всю жизнь инвалидом.

Убегали через какой-то хуторок на хат 10 с одной стороны и 10 с другой. Тоже проработанные "Смерчем" или "Ураганом". Все домики разрушены. Такое впечатление, что из трехмерного пространства попал в двумерное. Видно, что это остаток дома, но оно не имеет объема, оно плоское все. Как толщина обоев. Настолько разнесено взрывом в пыль, что оно все лежит на

земле ровным слоем. Нет обломков, кусков. Тоже такое сюрреалистичное.

Мрачные ощущения очень. В тот день мы почти 14 часов шли. Дошли до Подгорного, но наши по станции попросили нас дальше пройти, потому что оказалось, что село это не совсем наше, водители боялись ехать за нами.

Отправила нас чуть дальше на огромный террикон. Вдоль него через пару сел прошли. Террикон огромный, километров 7 прошли. Дошли до конторы этой шахты. Из управления сотрудницы увидели нас, испугались. "А вы кто?", – спрашивают. Мы говорим: "Милиция, блин". "Да ну, какая вы милиция?". А мы страшные, черные, на пузах ползали, лежали в этом обугленном поле, все небритые, заросшие, катастрофа.

В общем, вынесли они нам несколько бутылок с водой ... 30 секунд, и ее не было. Они на нас посмотрели и говорят: "У нас там термоски с едой с ночной смены остались. Если не побрезгуете...". Они вынесли: у кого-то творожок остался, у той помидорчики, кусок колбасы, бутерброды, ветка винограда...

Так и дождались машины. Они, видно, понимали, что мы не ели ничего. Кинули упаковку воды, какой-то лимонад, палку колбасы, сгущенку, конфеты, сушки, что под руку попало, накидали. И мы это все, колбасу, сгущенкой запиваем, эти конфеты, сушки, вода, лимонад, все подряд...

Разведчик опять звонит этому нашему переговорщику – "Мы на этой шахте над этим селом, что вы сказали. Мы в село спускаться не будем, потому что спалимся сразу. Присылайте машину сюда, тут дорога одна на эту шахту из села". А село то такое непонятное, то ли "сепарское", то ли нет.

Они говорят: "Ждите, сейчас за вами приедет ГАЗ".

Нас отвезли на базу Нацгвардии. Выдохнули, раненого врачам отдали, его наконец-то первый раз нормально перебинтовали, обработали рану. Потому что он со жгутом третий день. Жгут-то на два-три часа можно.

А оказывается, у Нацгвардии уже приказ. Им боевики и россияне дали три часа на вывод всех войск и батальонов из Комсомольска. Генерал за телефон: "Е-мое, вертолет сюда срочно". Ему говорят: "Хорошо, пришлем вертолет". А эти грузятся.

Мы там сели уже на полянке, поснимали каски, бронежилеты, сидим в одну точку смотрим, сил никаких. Сидим, а Нацгвардия грузится, свои КРАЗы загружает, цепляет уже полевую кухню, минометы, уже БТР свой выгнали. Начинают выезжать с территории базы, а мы понимаем, что сейчас мы опять одни останемся.

Вроде вырвались к нашим, а тут... Генерал опять звонит: "Где ваш вертолет?". "Сейчас все будет". Еще минут 20 проходит, слышим – летит. Приземлился, не глушится. Мы туда ныряем. Два автоматчика в окна, приготовились. Говорят: "Мы 9 дней назад экипаж похоронили. Сбивают".

И, чтобы минимизировать риск, что попадут, на максимальной скорости на сверхмалой высоте, буквально в 5 метрах над подсолнухами полетели мы. Только посадка – взлетает и опять проваливается, полем, полем.

Потом стали мы на дозаправку в Розовке на границе с Запорожской областью.

Мы выходим, там какие-то волонтеры подъезжали, местные жители, женщина принесла банку парного молока, булку какую-то. А потом нам показывают: "Смотрите, там вдалеке стоит три грузовика, это все 200-е, что из-под Иловайска выходили"...

Фото с Facebook комбата "Миротворца" Андрея Тетерука

Заправили наш вертолет, мы сели туда, генерал Хомчак на другом полетел в Краматорск, а мы с Березой, с ранеными на Днепр.

Вообще, я понимаю, что если б с нами не было генерала, то никакой вертолет бы за нами не прилетел. Падали бы на хвост Нацгвардии.

По итогам всей этой истории в Иловайске наш Леха считается пропавшим без вести. У нас четверо 200-х, мы их уже похоронили, 6 пропавших без вести и 7 в плену остались.

Но знаете, что больше всего меня удивило в мирном Днепропетровске? Выезжаем с территории аэропорта. Там широкая дорога, куча машин, дома, магазины, рестораны, люди ходят, мамы с детьми играют. А я понять не могу, что происходит. Потому что я час назад не понимал, долетим мы или нас собьют, а три часа назад из лужи пил.